

ДИАЛОГОВАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПОКОЛЕНИЕМ Z В НОВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация

Статья посвящена исследованию кризиса взаимодействия между государством и поколением Z в России. В статье доказывается, что низкий уровень институциональной политической вовлеченности молодежи обусловлен не только несовершенством инструментов государственной молодежной политики (ГМП), но и исторически сложившимся дефицитом гражданских компетенций, унаследованным от предыдущих этапов политической социализации. На основе эмпирического исследования в Белгородской области выявлены ключевые проблемы: фрагментарное восприятие ГМП, ее восприятие как мобилизационного, а не поддерживающего инструмента, низкий уровень доверия к институтам и преобладание низкопороговых форм активности. В качестве решения предлагается переход от мобилизационной к диалоговой модели ГМП, которая должна компенсировать пробелы в знаниях через цифровые инструменты и создать среду для практического гражданского становления молодежи.

Ключевые слова: поколение Z, государственная молодежная политика (ГМП), гражданская активность, гражданская идентичность, гражданское общество, цифровизация, солидарное общество.

Автор

Лымарева Татьяна Александровна

Студентка кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)

Устойчивое развитие современного государства немислимо без зрелого гражданского, солидарного общества, выступающего не оппозицией, а связующим звеном между властью и населением, механизмом обратной связи и социального контроля. Однако в России этот механизм остается ослабленным. Многие граждане часто оказываются исключены из процесса управления, за исключением редких электоральных процедур, а существующие каналы для выражения мнения зачастую бюрократизированы и малоэффективны.

Этот потенциал гражданской активности как никогда важен, потому что

его основным носителем становится поколение Z (1997–2012 гг. рождения), которое уже вступило во взрослый возраст и может влиять на дальнейшее развитие страны. Это поколение, сформированное в эпоху глобализации, Интернета и под влиянием таких событий, как война с терроризмом, финансовый кризис 2008 года, COVID-19 и СВО, обладает принципиально новыми моделями участия, для которых характерны гибридность, низкопороговость и ориентация на визуальный контент.

Парадокс современной ситуации заключается в том, что это поколение, обладающее беспрецедентными технологическими возможностями для

самовыражения, демонстрирует относительно низкий уровень реальной вовлеченности в институциональные формы общественно-политической жизни. «Более 80% российской молодежи в возрасте от 14 до 29 лет не интересуются политикой или не имеют по этой теме определенного мнения» [1]. Этот разрыв между потенциалом и реальной активностью указывает на глубокую коммуникационную проблему.

Чтобы понять вызовы настоящего, необходимо обратиться к теоретическому осмыслению гражданской активности, историческому контексту ее формирования в России и цифровой специфике современного поколения.

«Гражданская активность представляет собой инициативную и осознанную деятельность граждан, направленную на формирование гражданского общества и улучшение условий общественной жизни» [13]. «В ее основе лежит гражданственность: понимание своих прав и свобод, умение их использовать, уважение к правам других и желание развивать общество» [11]. В отличие от более широкого понятия «гражданское участие», охватывающего любую вовлеченность в общественную жизнь, гражданская активность предполагает именно инициативу и практические действия [9]. При этом она шире политического участия, включает неполитические практики: волонтерство, локальные инициативы и другие формы социальной активности [12].

С политической точки зрения, гражданская активность выступает механизмом эффективного взаимодействия власти и гражданского общества, влияющим на государство [10]. Развитие гражданской активности напрямую связано с уровнем жизни людей, а активные граждане, участвующие в решении общественно значимых проблем, являются важным показателем здорового общества [8].

Ключевым условием гражданской активности является развитая гражданская идентичность — самоощуще-

ние человека как активного субъекта, способного влиять на общественные процессы [7]. Чем сильнее выражена гражданская идентичность, тем чаще активность принимает конструктивные формы; при ее слабости преобладают протестные практики или аполитичность [4]. Именно с формированием этой идентичности в России и возникли системные проблемы.

Демократия как политический режим в Российской Федерации была установлена лишь в 1991 году. Поколения, социализировавшиеся в СССР, были воспитаны в парадигме этатизма, где самостоятельные гражданские инициативы не поощрялись. Миллениалы, взрослевшие в 90-е, росли в условиях турбулентности, когда не были выработаны устойчивые демократические механизмы и модели гражданского участия. В результате к моменту вступления в сознательный возраст поколения Z в обществе не было закрепленных, транслируемых из поколения в поколение практик конструктивного диалога с властью, механизмов общественного контроля и культуры гражданской самоорганизации. Этот исторический дефицит наслонился на цифровую революцию, сформировавшую у зумеров особые паттерны поведения. Поколение Z оказалось в уникальной ситуации: оно обладает цифровыми инструментами для самоорганизации, но не знает, как это сделать из-за отсутствия знаний и навыков, которые в стабильных демократиях передаются через семью, школу и общественные институты, а в России предлагаемые государством форматы взаимодействия не соответствуют его цифровой культуре. Зумеры доверяют соцсетям и горизонтальным связям, а также ожидают мгновенного взаимодействия и быстрого решения проблем, что не всегда возможно и целесообразно обеспечить.

Однако государство старается учитывать эту специфику с помощью государственной молодежной политики. Молодежная политика представляет

собой комплекс мер, направленных на создание условий для развития и самореализации молодежи, ее гражданско-патриотического воспитания, а также обеспечение правовой и социальной защиты [13]. В российской практике доминирует государственно-центричная модель, где государство выступает в качестве заказчика и спонсора молодежных проектов, а молодежная самоорганизация ограничена [3].

Государственная молодежная политика прошла сложный путь институционализации с 1990-х годов, долгое время оставаясь фрагментарной и несистемной. Несмотря на попытки централизации и развития программно-целевого подхода, ей не удалось полностью преодолеть этот структурный пробел [2]. К 2025 году ее архитектура представляет собой сложную, но все еще не до конца интегрированную многоуровневую систему. Она, признавая важность цифровизации, зачастую переносит в цифровой формат старые, аналоговые форматы работы, создавая информационный шум, который не находит отклика у целевой аудитории.

Несмотря на разветвленную систему институтов, ключевые задачи, интеграция молодежи в общество и адекватный учет ее запросов, остаются не до конца решенными [6]. В этой связи в эпоху цифровизации на государственную молодежную политику ложится особая миссия по разработке и поиску действенных механизмов вовлечения молодежи в общественную жизнь и формирования у нее гражданских компетенций [5].

Ключевой вызов современного этапа заключается в необходимости трансформации инструментария ГМП от формального присутствия в цифровой среде к созданию органичных, интуитивно понятных молодым людям форматов взаимодействия. Это требует не просто технической модернизации платформ, но переосмысления самой философии коммуникации между го-

сударством и молодежью в цифровую эпоху.

Чтобы проверить эти теоретические положения и оценить глубину разрыва между государственными институтами и молодежью, обратимся к результатам социологического исследования, проведенного в Белгородской области (N = 403). Данные наглядно иллюстрируют последствия современного подхода.

Хотя 80% респондентов знакомы с ГМП, их понимание сводится к отдельным мероприятиям (патриотическое воспитание — 63%, волонтерство — 62%) (см. табл. 1), а не к целостной стратегии. Это может свидетельствовать о несформированности системного взгляда на взаимодействие общества и государства — ключевого элемента гражданской компетентности. Данный когнитивный разрыв может быть напрямую связан с восприятием роли самого государства.

Основными источниками информации о ГМП для поколения Z являются Интернет (45%), образовательные учреждения (30%) и государственные органы (20%).

62% респондентов также выражают положительное или скорее положительное отношение к направлениям работы с молодежью. Одобрение отдельных мер поддержки молодежи со стороны респондентов не стоит приравнивать к полной поддержке и одобрению государственной молодежной политики как системной стратегии. В свою очередь, высокая доля нейтральных оценок (28%), вероятно, сигнализирует о недостаточной информированности и поверхностном понимании сущности и задач ГМП, что может подрывать формирование гражданской идентичности и снижать мотивацию молодежи к участию в общественно-политической жизни страны.

Таким образом, фрагментарное восприятие государственной молодежной политики, вызванное отсутствием целостного стратегического

Таблица 1

Какие из перечисленных направлений, по вашему мнению, относятся к государственной молодежной политике?	
Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности	63
Межнациональное и межконфессиональное согласие, профилактика экстремизма	10
Поддержка молодежных инициатив и общественной деятельности	60
Организация досуга, отдыха и оздоровления, развитие спорта и ЗОЖ	51
Предоставление социальных услуг молодежи	42
Содействие образованию, науке и технической деятельности	35
Выявление и поддержка одаренной молодежи	38
Трудоустройство и занятость молодежи	56
Поддержка молодежного предпринимательства	46
Поддержка образования и науки	31
Развитие волонтерства и добровольчества	62
Ничего из перечисленного	0
Затрудняюсь ответить	0

нарратива, подрывает формирование гражданской идентичности и снижает мотивацию молодежи.

Несмотря на высокую оценку молодежи важности государственной поддержки (средний балл 4.2 из 5), исследование выявило системные проблемы в реализации ГМП.

Половина респондентов (55%) отметила, что ГМП носит скорее мобилизационный характер, нацеленный на вовлечение молодежи в готовые государственные проекты, нежели на развитие и поддержку ее собственных инициатив. Это подтверждается тем, что лишь 35% опрошенных считают, что государство предоставляет молодым людям реальные возможности для самостоятельных решений. Это порождает пассивную, иждивенческую позицию, унаследованную от предыдущих этапов социализации, когда гражданин выступал скорее объектом, нежели субъектом политики. Уровень доверия к институтам власти низок у 65% респондентов. Молодежные организации тоже оцениваются крити-

чески: 55% видят их неэффективными, 34% — совершенно бесполезными. Это демонстрирует глубокий разрыв между официальными институтами и реальными запросами молодежи, подрывая саму возможность конструктивного диалога.

В этих условиях закономерным выглядит и характер самой активности молодежи. Она сводится к социально безопасным и низкопороговым форматам: волонтерство (66%), культура (68%). Политическое участие, требующее более высокого уровня гражданской самоорганизации и компетентности, минимально (13%), что подтверждает тезис об отсутствии у молодежи не только инструментов, но и сформированной мотивации для влияния на политическую повестку (см. табл. 2).

Такая избирательность отражает как недостаток политической компетенции, так и недоверие к институциональным механизмам влияния. Преобладание ситуативной мотивации (альтруизм, личный опыт) (см. табл. 3) над осознанной гражданской позицией огра-

Таблица 2

В каких формах участия за последний год вы принимали участие?	
Волонтерство	66
Участие в экологических акциях (субботники, раздельный сбор мусора)	26
Участие в культурных мероприятиях (фестивали, концерты, выставки)	68
Обсуждение общественно значимых проблем в Интернете (социальные сети, форумы)	38
Подписание петиций	11
Участие в деятельности некоммерческих организаций (НКО)	7
Участие в политических акциях (выборы, обращения, митинги)	13

Таблица 3

Что побудило вас принять участие в этих мероприятиях?	
Желание помочь другим людям	56
Желание внести свой вклад в развитие общества	23
Возможность получить новый опыт и знания	34
Возможность познакомиться с новыми людьми	26
Возможность реализовать свои идеи и проекты	9

ничивает потенциал формирования зрелой идентичности. Преодоление этой диспропорции требует системного развития политической грамотности и создания реальных каналов влияния на принятие решений.

Основными барьерами гражданской активности выступают нехватка времени, информации и лень (см. табл. 4). Недоверие молодежи ведет к ее отчуждению и снижению гражданской активности, что препятствует формированию позитивной гражданской идентичности.

Вывод из анализа эмпирических данных приводит нас к тому, что поколение Z в Белгородской области демонстрирует симптомы «наследственного» дефицита гражданственности: непонимание механизмов влияния,

Таблица 4

Что, по вашему мнению, мешает молодежи активно участвовать в жизни общества?	
Недостаток информации о возможностях участия	31
Недостаток свободного времени	46
Недоверие к государственным институтам	24
Отсутствие интересных и значимых возможностей для участия	21
Страх перед негативными последствиями (например, проблемы с учебой или работой)	13
Ощущение, что мое мнение ничего не изменит	22
Лень, незаинтересованность	35
Недостаток поддержки со стороны семьи и друзей	15
Отсутствие необходимых навыков и знаний	7

недоверие к институтам, пассивность и апатичность.

Сложившаяся ситуация требует стратегического пересмотра роли ГМП. Она должна трансформироваться из инструмента управления в платформу для экстренного гражданского образования и включения, основанную на принципах, созвучных цифровому

поколению. Поскольку кардинально изменить сознание взрослых и во многом уже сформировавшихся зумеров сложно, модель должна работать на двух уровнях: создание «костылей» и лифтов для включения нынешней молодежи и одновременная закладка фундамента для младших поколений.

Первоочередной задачей является компенсация базовых пробелов в знаниях. Для этого необходим общедоступный цифровой ресурс, возможно, интегрированный в привычные цифровые платформы. Его задача: на языке цифрового поколения, с помощью интерактивных форматов, игровых тренажеров и визуальных кейсов, объяснить основы государственного устройства и практические механизмы обратной связи. Такой навигатор стал бы попыткой «наверстать» упущенное, дав молодым людям карту, без которой они блуждают в лабиринте государственных институтов.

Полученные знания должны немедленно находить применение в жизненном пространстве молодого человека. Ключевую роль здесь играет персонализация и наглядность результатов. Поколение Z ценит конкретику и быстрый отклик. Эффективным инструментом могла бы стать интерактивная карта страны/региона, где отмечаются проекты, реализованные по инициативе молодежи. Видеоотчеты от самих участников, истории успеха, рассказанные в формате сторис, создают ощущение достижимости результата и преодолевают неверие в эффективность собственных действий.

Наконец, необходима трансформация нарратива. Абстрактные призывы к патриотизму и гражданскому долгу не резонируют с ценностями поколения Z. Гораздо более эффективной будет стратегия, сфокусированная на ответственности за ближайшее окружение. Новый нарратив должен быть персонализирован: «Твои действия могут улучшить твою жизнь, жизнь твоих дру-

зей, твоего города». Реализация этого подхода возможна через поддержку микропроектов с гарантированным и быстрым результатом — так называемых быстрых побед. Это может быть программа по благоустройству дворов, организация локальных событий или волонтерские акции, где цепочка «инициатива — реализация — конкретный результат» максимально коротка и видима. Кампании в социальных сетях должны показывать, как участие в ГМП помогает развивать soft skills («мягкие навыки»), строить карьеру и реально менять к лучшему свою улицу, двор, университет. Такой подход, ориентированный на личную выгоду и практическую пользу, гораздо ближе ценностям зумеров.

Эти меры, направленные на нынешнюю молодежь, носят компенсаторный характер. Стратегически же главный ресурс — это те, кто младше нынешних зумеров. Для них диалоговая модель должна стать не внешним вмешательством, а естественной средой социализации. Это требует интеграции в школьную программу элементов практической гражданской ответственности, развития сети молодежных медиа и поддержки детских общественных объединений, свободных от излишней формализации и направленных на реальное, а не имитационное участие. Главным тезисом должно стать то, что мы хотим не просто активную, а сознательную молодежь.

Поколение Z оказалось заложником двойного разрыва: исторического, связанного с отсутствием устойчивых традиций гражданского участия, и коммуникационного, вызванного несоответствием форматов ГМП цифровой культуре молодежи. Нынешний кризис взаимодействия — это не столько вина «аполитичной молодежи», сколько следствие системной ошибки, допущенной в ходе политической трансформации 1990–2000-х годов, когда вопросы формирования гражданских

компетенций не были поставлены во главу угла, а цифровизация зачастую носила формальный характер.

Диалоговая модель государственной молодежной политики — это стратегия по преодолению этого наследия. Ее задача: выполнить роль «социального лифта», компенсировав пробелы в знаниях через цифровые инструменты и создавая среду для реализации демократических процедур на микроуровне. Одновременно она должна заложить

прочный фундамент для последующих поколений, для которых активное и осознанное участие в жизни общества станет не исключением, а нормой. Только превратив ГМП из системы мероприятий в понятную и доступную цифровую экосистему возможностей, можно вовлечь молодежь в конструктивный диалог и заложить основы для будущего зрелого гражданского общества, без которого невозможно устойчивое развитие России в XXI веке.

Литература

1. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/> (дата обращения: 20.05.2025) (*Признан иноагентом на территории РФ).
2. *Гукова И.Н.* Развитие общественно-политической активности молодежи на основе взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. — 179 с.
3. *Гуреева А.Н., Аникина М.Е., Муронец О.В., Самородова Э.В.* К вопросу об общественно-политических ценностях российской молодежи: медиацентричный подход // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2021. — № 5 — С. 51–73.
4. *Ефименко В.Н.* Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «Гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11 — С. 250–254.
5. *Зубко Д.В., Ключев Ю.В.* Теория поколений в фокусе ценностей: к вопросу целесообразности применения поколенческой концепции при стратегическом планировании // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022 — Т. 13. — № 3 — С. 1–10.
6. *Кирдяшкин И.В.* Исторические константы социально-политической активности современной молодежи // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303 — С. 56–61.
7. *Круглов М.С.* Современные формы гражданской активности в политическом процессе Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук. — М., 2015. — 170 с. (*Внесён Росфинмониторингом в перечень экстремистов и террористов).
8. *Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — № 6 — С. 145–170.
9. *Патрушев С.В.* Гражданская активность как фактор модернизации // Модернизация и политика в XXI веке. РОССПЭН. 2011 — С. 262–275.
10. *Лилипенко А.Д.* Гражданская активность в современной России: сущность понятия, формы проявления, факторы формирования // Молодой ученый. — 2018. — № 23(209) — С. 366–368.
11. *Решетников О.В.* Концепция развития общественной политики в современной России. М.: Издательство РГСУ, 2012. — 168 с.
12. *Савельева Е.А.* Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации понятия // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2013. — № 2 — С. 21–31.
13. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». — Официальный Интернет-портал правовой информации. — [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102957967> (дата обращения: 20.12.2025).